

Солнце стояло в зените, и становилось невыносимо жарко. Группа людей, торопившихся подняться на вершину до полудня, не желая продолжать бесплодные споры, предпочла последовать предложению Чи Иланя и двинулась дальше.

Чэн Ин теперь было неловко настаивать на том, чтобы остаться, — это выглядело бы слишком вызывающе, поэтому ей пришлось с неохотой присоединиться к остальным.

Как только все ушли, Чи Илань достал телефон и углубился в игру, не проронив ни слова. Гу Пинву не выдержала и тихо усмехнулась:

— Зачем ты так? Наверное, ужасно неприятно заставлять себя присматривать за тем, кто тебе противен.

Чи Илань бросил на неё косой взгляд:

— Раз понимаешь, так не лезь в глаза.

Гу Пинву покорно закрыла рот, но взгляд её оставался беспокойным — она то и дело украдкой поглядывала на парня рядом. Ей казалось, что она наблюдает незаметно, но любой человек чувствует на себе чужой взгляд, особенно когда между вами всего лишь расстояние вытянутой руки и можно коснуться плечом плеча.

Вскоре Чи Илань почувствовал себя не в своей тарелке. Впрочем, размениваться на такие мелочи он считал ниже своего достоинства, поэтому просто терпел, пока наконец не повернул голову и не поймал её на месте.

Гу Пинву, даже не смутившись, спросила:

— Почему не играешь?

Чи Илань не ответил. Он смотрел прямо на неё, не отводя глаз, и этот взгляд был настолько пристальным, что ей показалось, будто её препарируют. Впервые он так близко и внимательно разглядывал её. У Гу Пинву были удивительно чистые, почти наивные глаза. Он нахмурился, осознав, что на секунду потерял нить мыслей:

— Расхотелось.

Он небрежно бросил телефон на журнальный столик. Кроссворд был недорешён, видимо, на каком-то вопросе он застрял. Гу Пинву, не сдержав любопытства, протянула руку, взяла телефон и продолжила игру, не остановившись, пока не прошла уровень.

В тот день за ней приехала старшая двоюродная сестра, Лу Юйчжоу. Гу Пинву давно её не видела. Едва она успела произнести: «Сестра Юйчжоу», как та длинным ногтем легонько чиркнула её по носу:

— Ну и ну! Вернулась из-за границы, а девчонка-то превратилась в настоящую красавицу.

Через пару месяцев уже двадцать стукнет, верно?

День рождения у неё был поздний, зимой по лунному календарю. В детстве она была такой бойкой, как мальчишка, что дед называл её Дунлан — Сын Зимы, — и относился к ней как к парню. И лишь когда она пошла в школу, это прозвище постепенно забылось.

Приезд Лу Юйчжоу её обрадовал, хотя она редко позволяла себе искреннюю улыбку. Чи Илань, который раньше не встречался с Лу Юйчжоу, лишь сухо поздоровался. Когда сестра предложила ему поехать с ними в город, он покачал головой, сославшись на дела. Лу Юйчжоу не стала настаивать, лишь кивнула, велев ему быть осторожнее, и увезла Гу Пинву.

По дороге Лу Юйчжоу спросила:

— Чи Сяолю часто о тебе заботится?

Гу Пинву, обессиленно дремлющая на заднем сиденье, пробормотала:

— Мои домашние с ним договорились.

Лу Юйчжоу рассмеялась:

— Уж точно не третий брат. Они с этим парнем как кошка с собакой, о каких договорённостях может идти речь?

Гу Пинву была слишком сонной, чтобы вникать в детали, она что-то невнятно ответила и снова провалилась в сон. На шоссе они выехали уже в сумерках. Лу Юйчжоу вернулась из-за границы насовсем, и телефон разрывался от звонков с приглашениями на вечеринки в честь её возвращения. Как бы крепко ни спала Гу Пинву, шум её разбудил.

— Да, знаю, скоро въеду в город. А У? А У со мной в машине... Хорошо, я прихвачу её с собой.

У Гу Пинву по спине пробежал холодок. Она попыталась знаками попросить сестру не брать её, но та не обратила внимания. Повесив трубку, Лу Юйчжоу небрежно бросила:

— Что, так и собираешься вести затворнический образ жизни? Сколько ты уже не показывалась людям?

Она лишь почувствовала тревогу, опустив глаза и храня молчание.

— Поехали, — продолжала Лу Юйчжоу. — Наша императрица-мать все уши про тебя прожужжала, говорит, ты в последнее время словно испарилась.

Пути к отступлению были отрезаны. Гу Пинву вздохнула и откинулась на спинку кресла:

— Поняла.

Гу Пинву была в футболке и спортивных штанах, на лице ни капли косметики — выглядела она совсем по-студенчески, а из-за миниатюрности — и вовсе как старшеклассница.

Едва она вошла в дом, тетя схватила её за руки, рассматривая с такой жалостью, что Лу Юйчжоу в стороне даже приревновала:

— Посмотрите-посмотрите, уже и не поймешь, кто из нас родная дочь...

Гу Пинву стояла в растерянности, словно жертва на разделочном столе. В ушах гудело — звуки доносились будто издалека, хотя и были совсем рядом. Тетя причитала, что она похудела, спрашивала, чем она занималась весь год и почему не навещала... Гу Пинву отмахивалась дежурными фразами: всё хорошо, болела, завалена учёбой... Улыбка на её губах становилась всё более натянутой, мысли улетали куда-то вдаль, а взгляд блуждал по комнате.

Она видела на тете дорогущее платье ципао с вышивкой, а в столовой за её спиной на стол уже подавали жареную пшеничную клейковину — блюдо, которое она терпеть не могла, но которое неизменно присутствовало на любом праздничном столе, в каком бы доме она ни оказалась.

Когда в кармане завибрировал телефон, она вздрогнула и очнулась. Посмотрев на тетю, потом на наблюдавшую за ней сестру, она выпалила:

— Мне нужно ответить на звонок, — и выскочила из шумной, душной комнаты, словно спасаясь бегством.

Тетя в недоумении замерла, встретившись взглядом с Лу Юйчжоу:

— Что с ней такое?

Лу Юйчжоу нахмурилась и покачала головой.

Гу Пинву распахнула окно на террасу, и ей в лицо ударил горячий летний ветер. Она медленно опустилась в плетеное кресло. Её прошиб мелкий пот, словно она только что участвовала в изнурительной битве, хотя на деле — всего лишь обменялась парой слов с гостями.

Она некоторое время сидела неподвижно, дожидаясь, пока утихнет неконтролируемое сердцебиение, и только потом достала телефон. Пропущенный от Чи Иланя. Она помедлила несколько секунд, заметив на иконке WeChat красный значок непрочитанного сообщения.

Они добавили друг друга в друзья в начале семестра. Вероятно, по чьей-то просьбе он сам проявил инициативу, а потом тихо залёг в списке контактов, не сказав ни слова. На его аватарке был известный скейтер из страны R — он так открыто и дерзко выставлял напоказ свои увлечения и кумиров, ничуть не стесняясь. Никнейм, кажется, тоже был написан на языке страны R — она не понимала слов, но догадывалась, что это имя того самого скейтера.

В нём всё было таким прямым, пылким и искренним. Она ему завидовала.

Она открыла сообщение:

MiYaGi: Дома?

Гу Пинву скривила губы. Этот парень всегда был таким: на словах колючий, а в душе мягкий. Как бы он ни делал вид, что не переносит её, в глубине души он оставался добрым. Она хотела ответить стикером, но не знала, каким. Сердце вдруг сжалось. Она крепко зажмурилась и нажала кнопку записи голосового:

— Ты где сейчас?

Через несколько секунд пришёл ответ:

— ?

Гу Пинву машинально обернулась. Сквозь стеклянную дверь террасы она видела комнату с включенным кондиционером, где люди весело праздновали возвращение Лу Юйчжоу. На лицах каждого из них сияла та самая улыбка — лёгкая, естественная, недоступная для неё.

Она написала:

— Я хочу приехать к тебе.

<http://bllate.org/book/21436/2190829>